

а также в женских образах, созданных по примеру Ярославны.⁸⁶ Сила Ярославны состоит в том, что она твердо стоит на стороне супруга в несчастье и, обращаясь к природной стихии — ветру, воде и солнцу, пытается помочь ему.

Плач Ярославны привлекал не раз внимание русских романтиков.⁸⁷ Первое упоминание встречается уже в 1803 г. в «Бахариане» М. М. Хераскова. Отзвуки плача Ярославны можно узнать в стихотворении Ф. Глинки «Сетование русской девы» (между 1812 и 1816 гг.). Перу Глинки принадлежит и перевод в стихах отрывка из «Слова о полку Игореве» (1816 г.). М. П. Загорский написал в 1825 г. свой романс «Ярославна», П. Шкляревский обратился к тому же сюжету в «Плаче Ярославны» (1831 г.). В художественном отношении высоко стоит вольный перевод И. И. Козлова «Плач Ярославны» (1825 г.). Пушкин особо подчеркивал поэтическую силу плача Ярославны.⁸⁸

Без сомнения, и образ Мстиславны, супруги героя, именем которого названа поэма «Василько» А. И. Одоевского, создан под влиянием «Слова о полку Игореве», но он вымышлен: летописи о ней ничего не говорят. Сравнительно верной передачей летописи является образ жалостливой попадьи, стирающей обгавленную кровью рубашку Василька. Здесь в спонтанно реалистической сцене⁸⁹ нам представляется редкий для средневековой литературы случай, когда представитель простого народа, и к тому же женщина, становится носителем идейного смысла.

Василь совок сорочку с Василька,
«Смой кровь!» — сказав, хозяйке бросил в руки.
И старица и внемлет и глядит,
Но замер дух, и вся как лист дрожит.
И вдруг, спеша, ее на двор выносит,
И держит недвижимо пред собой;
Взрыдала...⁹⁰

К типу идеальных супругов следует причислить и образ Евпраксии, супруги князя Федора, во фрагменте неоконченной поэмы Д. В. Вeneвитинова («Средь терема, в покое темном...», 1822). Сохранившиеся наброски, правда, не дают возможности определить ясно черты ее характера. Об Евпраксии повествует «Повесть о разорении Рязани Батыем», где говорится, что она покончила с собой, чтобы избежать позора бесчестия.⁹¹

Поступки, совершенные идеальными супругами древнерусских князей, после разгрома движения декабристов, когда княгиня М. Волконская и А. Муравьева последовали за своими мужьями на каторгу в Сибирь, приобретали особое значение как литературный пример.

⁸⁶ См.: Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 78. На стр. 75 и сл. Лихачев указывает на то, что в изображении этих женщин часто нарушается феодальная схема изображения человека.

⁸⁷ Л. Дмитриев. «Слово о Полку Игореве» и русская литература. — В кн.: Слово о полку Игореве. Л., 1967, стр. 76—79.

⁸⁸ А. С. Пушкин, т. 7, М., 1964, стр. 501.

⁸⁹ Ср.: H. Raab. Die altrussische Chronikergeschichte von der Blendung Vasil'kos und ihr Widerhall in der Dekabristendichtung. — Zeitschrift für Slawistik, XIII (1968), S. 666.

⁹⁰ А. И. Одоевский, стр. 122.

⁹¹ Воинские повести древней Руси. Серия «Литературные памятники», М.—Л., 1949, стр. 12.